

безусловно, распространить данное правило на посредников во взяточничестве и на всех других лиц, являвшихся соучастниками в даче и получении взятки, в том числе и на взяткополучателя»⁵.

На наш взгляд, в случае возможности применения поощрительной нормы, дающей возможность освобождения субъекта получения взятки и посредника во взяточничестве от уголовной ответственности, повысится раскрываемость связанных с данным преступлением иных преступлений, таких как дача взятки и посредничество во взяточничестве. То есть создается дополнительная

возможность повышения раскрываемости столь латентных преступлений.

¹ Официальной сайт Полиции Республики Армения. URL: <http://www.police.am/> (дата обращения: 10.12.2018).

² Sargsyan G. The Problems of Bribery Response. School of the Prosecutor's Office SNCO, 2012. P. 4.

³ URL: file:///C:/Users/Portable/Downloads/2017_CPI_Brochure_EN.PDF (дата обращения: 10.12.2018).

⁴ Мелтоян Р.М. Поощрительные нормы Уголовного кодекса Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань. 1999, С. 1.

⁵ Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963-2007 гг.). СПб., 2008. С. 427-428.

Хилота В.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
(Республика Беларусь)

Иная личная заинтересованность как деконструктивный признак должностных злоупотреблений

Иная личная заинтересованность как мотив должностного преступления выражает стремление субъекта за счет использования своих служебных возможностей извлечь выгоду определенного характера, достичь конкретного результата. В данном случае интерес представляют собой те сугубо индивидуальные устремления личности, которые затем конкретизируются путем обозначения конечной цели, ради которой виновный идет на риск и совершает преступление.¹

В действительности же чиновник, грубо нарушающий акты законодательства, регламентирующие его служебную деятельность, и при этом ссылающийся на ведомственный или государственный интерес, лукавит. Как отмечает В.Н. Борков, за этим часто стоит личная асоциальная заинтересованность.² В таком ключе вполне резонно можно будет замечать, что благотворное влияние на деятельность служебного аппарата отражает интересы всех субъектов правоотношений. Поэтому установление лишь факта нарушения должностным лицом

своих обязанностей по службе не может расцениваться как совершение преступления в интересах службы, выявлять и доказывать необходимо конкретный мотив совершения преступления.

Следовательно, совершая должностное преступление из личной заинтересованности, виновное лицо преследует цель получить (извлечь) различные виды выгод и преимущества как для себя, так и для других лиц, в судьбе или деятельности которых он заинтересован. Именно через эту призму мы и должны подходить к вопросу оценки действий лиц, совершающих злоупотребления в интересах службы (ложно понятых, узковедомственных и т.д.), поскольку за такими интересами нередко стоит личная заинтересованность низменного характера (стремление уйти от ответственности за допущенные ошибки и недостатки в работе, получить поддержку со стороны влиятельных лиц, тщеславие и т.д.), либо же наоборот – ничего не стоит. Установить и доказать данный факт – прерогатива органов следствия и суда, а не механистиче-

ского наложения известного трафарета в виде определенных словосочетаний.

Тем не менее следует констатировать тот факт, что в сегодняшних условиях такой признак, как «иная личная заинтересованность», понимается зачастую судебно-следственной практикой расширительно, именно как заинтересованность субъекта в совершении определенных действий и наступлении выгодных (или желаемых) для этого лица последствий (каждый сознательный и волевой акт всегда носит личный субъективный характер³). Однако такое толкование уголовного закона не всегда оправданно.

Представляется, что совершение должностных злоупотреблений по таким мотивам, как повышение своей деловой репутации, обеспечение нормальной работы предприятия, сохранение стабильной заработной платы, желание получить кредит с целью выплаты заработной платы сотрудникам предприятия, повышение статистических показателей раскрываемости преступлений и др., никак не могут быть соотнесены с таким признаком, как «иная личная заинтересованность». Это такие мотивы, которые больше свойственны не преступлению, а правонарушению.

Многогранность и разносторонность толкования элементов понятия «иная личная заинтересованность» фактически дают правоприменительным органам возможность перевести служебный проступок в категорию коррупционного преступления. Фактически, при желании, можно любую заинтересованность индивида охарактеризовать как личную. И связано это с тем, что иная личная заинтересованность всегда имеет негативное содержание. Однако иной подоплеку такое поведение просто не может иметь.

В то же время наличие личной заинтересованности вовсе может не способствовать повышенной опасности такого должностного злоупотребления. Акцентирование внимания на подобных уголовных делах порождает в обществе чувство несправедливости, подавляет всяческую инициативу со стороны ру-

ководящих лиц субъектов хозяйствования, поскольку любая оплошность должностного лица может быть истолкована как служебное преступление. Более того, освещение таких ситуаций в СМИ имеет неоднозначную оценку, порой способствует нагнетанию негативной обстановки и отрицательно сказывается на имидже государства в целом.

Анализ правоприменительной практики по данному вопросу заставляет прийти к выводу о крайне высокой степени оценочности понятия «иная личная заинтересованность» и невозможности отграничения служебного преступления от дисциплинарного проступка. Однако разве может наличие личной заинтересованности свидетельствовать о повышенной общественной опасности должностных злоупотреблений? Причем именно таких злоупотреблений, которые являются преступлениями, а не правонарушениями либо проступками. В этом случае признак «иная личная заинтересованность» является не отягчающим, а, скорее, смягчающим вину обстоятельством. Формальное понимание данного признака приводит только к расширению мер уголовной репрессии.

Сами по себе стремления человека к карьерному росту, представления в нужном ракурсе результатов своей деятельности, получение поддержки влиятельных лиц при решении конкретных дел, оказание содействия подчиненному по службе или коллеге вряд ли представляют такую общественную опасность, которая свойственна преступлению.

Содержащееся сегодня толкование иной личной заинтересованности в постановлении Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424-428 УК)» не в должной мере раскрывает данное понятие, потому как, исходя из имеющегося определения, невозможно отграничить иную личную заинтересованность от ложно понятых интересов службы, четко соотнести иную личную заинтересованность с низменными побуждениями и ответить на вопрос: является ли мотив

ложно понятым интересам службы личным или нет. Очевидно, что иная личная заинтересованность не отражает в полной мере того отрицательного оттенка, которым обладают иные низменные побуждения. Отсюда и непонимание ситуации, невозможность разграничения по этому основанию служебного преступления и проступка.

Проблема соотношения мотивов поведения должностного лица и дальнейшая субъективная оценка следственной ситуации не позволяют ответить и на вопрос о том, чем конкретно руководствуется должностное лицо – ложно понятыми интересами службы или иной личной заинтересованностью, – когда путем различных злоупотреблений создает видимость благополучия на возглавляемом им предприятии (учреждении, организации), заведомо зная, что его действия противоречат интересам службы. Понятно, что за любым предприятием всегда стоит конкретный человек, и потому действия в интересах предприятия всегда с известной степенью условности могут быть соотнесены с интересами личности.

В контексте обозначенной проблемы возникает и иного рода вопрос. Почему, например, когда мы ведем речь о взяточничестве, то уголовный закон четко и однозначно говорит о том, что предметом взятки не может быть получение выгоды неимущественного характера. Такие действия составляют должностной проступок, если не содержат в себе признаков иных противоправных деяний. Почему же тогда получение выгоды неимущественного характера в составах должностных злоупотреблений (ст. 424-426 УК Беларуси) образует преступление? Представляется, что подход к разрешению указанных проблем должен быть одинаковым. Корыстные должностные злоупотребления более опасны, нежели некорыстные, поэтому сегодня есть все основания перевести злоупотребление властью или служебными полномочиями, совершен-

ное из иной личной заинтересованности (а равно такое же бездействие должностного лица, превышение власти или служебных полномочий), в разряд административных правонарушений и установить за это административную ответственность.

Многие могут нам возразить, и основной аргумент будет сводиться к тому, что проще в самом законе дать исчерпывающий перечень типичных ситуаций или иных характеристик, которые будут расшифровывать значение такого понятия, как «иная личная заинтересованность». Однако, во-первых, сама правоприменительная практика показывает, что до сих пор этого не произошло и четких критериев не выработано, а во-вторых, невозможность такого шага обусловлена тем, что в настоящее время в обществе не сформировалась окончательная оценка о должных стандартах служебного поведения, какие побуждения считать низменными и т.д., поскольку моральные и нравственные критерии сегодня оказались крайне размытыми и весьма изменчивыми по причине происходящих социально-экономических и культурных трансформаций. Соответственно, пока на законодательном уровне перечень таких низменных побуждений, составляющих суть иной личной заинтересованности, будет отсутствовать, мы будем иметь дело с произвольными и оценочными суждениями по этому поводу и вытекающими отсюда расширительными или ограничительными аспектами правоприменительного толкования.

---

¹ Динека В.И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России (уголовно-правовой и криминологический аспект) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2000. С. 38.

² Борков В.Н. Должностные преступления: квалификация, система и содержание уголовно-правовых запретов. Омск, 2010. С. 95-100.

³ Тарасова Е.В. Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего положения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12. 00.08. СПб., 1999. С. 17.